

На правах рукописи

Антонова Ольга Валентиновна

**СИСТЕМА СТАРОМОСКОВСКОГО ПРОИЗНОШЕНИЯ
И ЕЕ РЕФЛЕКСЫ В СОВРЕМЕННОЙ ЗВУЧАЩЕЙ РЕЧИ**

Специальность 10.02.01 — русский язык

Автореферат

диссертации на соискание ученой степени

кандидата филологических наук

Москва 2008

Работа выполнена в Отделе фонетики
Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН

Научный руководитель: доктор филологических наук
Розалия Францевна Касаткина

Официальные оппоненты: доктор филологических наук
Людмила Эдуардовна Калнынь (ИСл РАН)
кандидат филологических наук
Нина Николаевна Розанова (ИРЯ РАН)

Ведущая организация: Московской государственный гуманитарный
университет им. М. А. Шолохова,
филологический факультет,
кафедра русского языка

Защита диссертации состоится 21 февраля 2008 года в 14 часов на заседании
диссертационного совета Д 002.008.01
при Институте русского языка им. В. В. Виноградова РАН по адресу:
119019, Москва, ул. Волхонка, 18/2

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке
Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН

Автореферат разослан 17 января 2008 года

Ученый секретарь
диссертационного совета
кандидат филологических наук

Б. Л. Иомдин

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Описывая любую фонетическую систему, лингвисты стремятся не только детально зафиксировать звуковые факты, но и установить их преемственность с фонетическими явлениями предшествующих эпох. При этом приметой современного языкознания является потребность осветить языковой материал под культурно-историческим и социологическим углом зрения.

Трудно найти лингвистическую работу, посвященную истории русского литературного произношения, в которой не употреблялись бы термины «старомосковский говор», «старая московская норма», «старомосковское произношение» и под., однако единого мнения о сущности этого явления в науке до сих пор нет, как нет и ни одного труда, специально посвященного изучению черт старого московского произношения. До настоящего времени остается неясным ряд вопросов, связанных с различными фактическими составляющими этого явления, начиная от определения хронологических рамок и заканчивая выяснением социальной принадлежности контингента носителей старой московской нормы. Эти неразрешенные проблемы представляются заслуживающими подробного рассмотрения.

С другой стороны, в научном мире широко распространено мнение о том, что старомосковская произносительная система, явившаяся базой для становления современных орфоэпических норм, во второй половине — конце XX века утратила актуальность. Однако даже поверхностные наблюдения последнего времени над речью литературно говорящих коренных москвичей разного возраста, а также анализ массивов звучащей речи теле- и радиопрограмм позволяют усомниться в непреложности такого утверждения.

Эти соображения и обусловили выбор темы данной работы и отражают ее **научную новизну**, которая заключается, прежде всего, в том, что в рамках диссертации рассмотрены явления, никогда ранее не выступавшие в качестве предметов специальных исследований в русистике.

Актуальность исследования старомосковского произношения диктуется несколькими обстоятельствами: недостаточной исследованностью данного лингвистического факта; неразрешенностью многих теоретических вопросов, связанных с историей русского литературного произношения; необходимостью выявить тенденции развития произносительных явлений; необходимостью определить современный нормативный статус явлений, квалифицирующихся как рефлексy старомосковского произношения.

Целью предпринятого исследования явилось создание комплексного описания старомосковской фонетической системы и выявление ее рефлексов в современной звучащей речи.

Достижение этой цели потребовало решения следующих **задач**:

1. Изучить лингвистическую литературу, посвященную проблемам старомосковского произношения, и выявить как социологические, так и чисто лингвистические особенности ее функционирования; определить круг источников, данные которых можно использовать для построения целостного описания старомосковского произношения.
2. Детально описать характерные черты вокализма и консонантизма старомосковского говора в сопоставлении с современной литературной

нормой; выявить закономерности функционирования произносительных норм и факторы, определяющие их эволюцию.

3. Выявить круг явлений, которые можно расценивать как рефлекс старомосковского произношения в современной звучащей речи.

4. Провести серию орфоэпических экспериментов, позволяющих детально описать дистрибуцию; частотность; лексические, фонетические, грамматические и графические факторы, влияющие на функционирование старомосковских вариантов в современной речи.

5. Осуществить комплексный анализ полученных результатов и наметить перспективы дальнейшей работы.

Объектом исследования явилась литературная речь москвичей на рубеже XIX—XX веков и на рубеже XX—XXI веков.

Материалом для лингвистического анализа послужили: научные труды, посвященные описанию московского говора, содержащие массивы транскрипций и описания произносительных явлений; аудиозаписи лекции Д. Н. Ушакова о коренном московском произношении и лекции С. С. Высотского о московском народном говоре; видео- и аудиоматериалы спектаклей московского Малого театра середины XX в.; стихотворные тексты XIX — начала XX века; записи звучащей речи носителей современной московской произносительной нормы; данные, полученные в результате социолингвистического анкетирования; массивы звучащей теле- и радиоречи; личные наблюдения автора исследования, зафиксировавшего факты проявления анализированных явлений в бытовой речи москвичей разного возраста.

В качестве **информантов** к экспериментам были привлечены москвичи не менее чем во втором поколении, владеющие русским литературным языком, детство и большую часть сознательной жизни прожившие в Москве и не имеющие явных речевых дефектов. В некоторых случаях информанты были разделены на 3 группы по возрастному критерию: в старшую группу объединялись люди, рожденные в 20—30-е годы XX века; в среднюю группу

рожденные в 40—60-е годы XX века и, соответственно, в третью, младшую группу — рожденные в 70—80-е годы XX века.

Исследование аудиоматериалов проводилось главным образом **методом** аудиторского анализа автором исследования. В спорных для восприятия случаях к прослушиванию звукозаписей привлекались другие аудиторы, профессиональные фонетисты. Материал также обрабатывался при помощи компьютерных программ анализа звучащей речи Speech Analyzer и Praat в Отделе фонетики Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН.

Практическое значение исследования старомосковского произношения и его рефлексов в современной звучащей речи состоит в возможности использования полученных данных при составлении программ и материалов орфоэпических курсов, при кодификации произносительной нормы, а также при разработке учебных пособий по истории русского литературного произношения и культуре русской речи.

Апробация. Значительная часть настоящей диссертационной работы опубликована в виде отдельных статей в сборниках, изданных в Институте русского языка им. В. В. Виноградова РАН, а также в журнале «Русский язык в научном освещении». Результаты опубликованных исследований детально обсуждались на заседаниях Отдела фонетики ИРЯ РАН.

Некоторые положения диссертационного исследования нашли отражение в докладах, прочитанных автором на следующих международных конференциях: «Фонетика сегодня: актуальные проблемы и университетское образование» (Москва, 2003); «Культура русской звучащей речи: традиции и современность» (Москва, 2004); на XII международной конференции по функциональной лингвистике «Функционализм как основа лингвистических исследований» (Ялта, 2005); на конференции «Проблемы языковой нормы» — VII Шмелевские чтения (Москва, 2006); на секции XIII Международной конференции по функциональной лингвистике: «Язык и мир» (Ялта, 2006); на конференции «Фонетика сегодня V» (Москва, 2007).

Структура работы. Диссертация состоит из введения, двух глав, заключения и библиографического списка.

Глава I состоит из двух основных разделов. Первый раздел посвящен анализу понятия *старомосковское произношение*, научной традиции употребления этого термина и обсуждению различных точек зрения на собственно лингвистические и социолингвистические особенности старомосковского говора. Второй раздел освещает орфоэпические особенности старомосковской произносительной системы и состоит из трех подразделов, посвященных орфоэпическим особенностям системы консонантизма, системы вокализма и произношения отдельных грамматических форм.

Глава II состоит из шести разделов. В этих разделах представлены описания экспериментов, проведенных с целью выяснения частотности появления старомосковских произносительных вариантов в современной речи; в качестве предмета исследования выбраны следующие произносительные нормы: произношение безударных глагольных флексий II спр. 3 л. мн. ч.; произношение согласных на месте буквосочетания *чн*; произношение звука [р'] перед мягкими согласными (зубными, губными, переднеязычными, заднеязычными); произношение форм род. п. мн. ч. существительных, оканчивающихся на сочетание «согласный + -ня»; произношение возвратного постфикса; особенности реализации инициальной фонемы /j/ в русском языке.

В заключении представлены основные результаты диссертационного исследования. Работу завершает библиографический список, включающий более 120 наименований работ русских и зарубежных авторов.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

ГЛАВА I. ЗВУЧАЩАЯ РЕЧЬ МОСКВИЧЕЙ КОНЦА XIX — НАЧАЛА XX ВЕКА КАК ФОНЕТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА

1.1. ПОНЯТИЕ О СТАРОМОСКОВСКОМ ПРОИЗНОШЕНИИ

Соответствующий раздел исследования представляет краткий анализ работ, посвященных описанию московского говора на рубеже XIX—XX вв. В рамках первого раздела обсуждаются различные точки зрения на существование фонетических отличий старомосковского говора от московского городского просторечия, уделено внимание проблеме определения хронологических рамок периода, в котором старомосковское наречие было признанной орфоэпической нормой литературного языка, а также проблемам выделения контингента носителей и кодификации старомосковского говора.

1.2. ОРФОЭПИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ СТАРОМОСКОВСКОЙ ПРОИЗНОСИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ

1.2.1. СИСТЕМА КОНСОНАНТИЗМА

1.2.1.1. ПОЗИЦИОННАЯ МЯГКОСТЬ СОГЛАСНЫХ

В настоящем разделе показано, что мягкость согласного перед следующим мягким, признаваемая большинством исследователей обязательной в рамках старомосковской произносительной системы, реализовывалась не так последовательно и безусловно, как это принято было считать до настоящего времени.

Собранная в ходе исследования информация не позволяла учесть всех условий (описанных Л. Л. Касаткиным), обязательных в современной исследовательской практике, заставляя ограничиться в основном двумя факторами: качеством одного из согласных в звукосочетании и морфологической позицией.

Результаты анализа источников показали, что процесс расшатывания позиционной мягкости согласных берет начало в более раннем времени, чем было отмечено исследователями. На рубеже XIX—XX вв. вариативность в произношении сочетаний согласных со следующим мягким была уже столь

значительной, что проникла даже в сочетания «зубной + мягкий зубной» (напр. В. А. Богородицкий транскрибирует: *âтс'æнă (от сѣна)*; Р. Ф. Брандт: *âтн'ѣј (от нѣи)* и др.), наиболее последовательно реализовывавшиеся «мягко» (ср. напр.: *с'л'ѣпă (слепо)*, *жъс'т'анôј (жестяной)*, *п'ѣс'н' (песнь)* и др. — транскрипции В. А. Богородицкого). В прочих же сочетаниях (напр., в сочетаниях зубных с мягкими губными, губных с мягкими зубными, губных с мягкими губными¹, губных с мягкими заднеязычными, заднеязычных с мягкими заднеязычными, в сочетаниях согласных с /j/) вероятность произнесения с твердым согласным была еще более велика. Так, А. А. Шахматов транскрибирует: [*падв'эин'ѣч'нъи*] (*подвенечной*), [*атв'эт*] (*ответ*), [*атв'эдът'*] (*отведать*); В. А. Богородицкий записывает: *кâнв'æрт (конверт)*; *пôлб'æ (полбе)*, *тâлп'æ (толпé)*, *шалф'ѣј (шалфеѣ)*, *фп'ер'от (вперед)*, *вб'ит' (вбить)*, *âбв'ит' (обвить)*, *âбг'ip'æ (об гире)*, *лапк'ї (лапки)*, *м'ахк'ї (мягкий)* и др.; у В. И. Чернышева находим: *фсѣкый (всякий)* *фте^нлѣги (в телеге)*, *вмѣсьти (вместе)*; у Р. Кошутича: *з'емл'у (землю)*, *ц^впл'ат (цыплят)*. Однако следует учитывать, что произнесение с мягким согласным в большинстве случаев расценивалось самими исследователями как более предпочтительное².

Итак, активность процесса была столь явственна, что ее отразили в своих работах все исследователи звучащей речи, хотя и с некоторой осторожностью. Косвенно говорит об этом и то, что в позициях, в которых фиксировалась твердость согласного перед следующим мягким, ученые (В. А. Богородицкий,

¹ В лингвистической литературе ранее специально не обсуждался вопрос о произношении губных перед губными на рубеже XIX—XX вв. (так же как и вопрос о произношении сочетаний заднеязычных согласных с мягкими губными, зубных и заднеязычных с мягкими заднеязычными, а также сочетаний [p] или [p'] с мягкими заднеязычными). В настоящем исследовании, насколько нам известно, эта проблема затронута впервые.

² В прочих сочетаниях согласных с последующим мягким в конце XIX — начале XX вв. твердый вариант произнесения был или предпочтительным (сочетания заднеязычных с мягкими зубными и со звуком [p'], [p] или [p'] с мягкими заднеязычными, губных и зубных со звуком [p']), или единственно возможным (сочетания заднеязычных с мягкими губными, зубных с мягкими заднеязычными, заднеязычных со звуком [p']).

Р. Ф. Брандт, В. И. Чернышев) охотнее говорили о неполном смягчении первого согласного в сочетании, чем об отсутствии мягкости.

1.2.1.2. ПРОИЗНОШЕНИЕ СОГЛАСНЫХ НА МЕСТЕ СОЧЕТАНИЙ *чн, чт*

Произношение [шн], [шт] в соответствии с орфографическими сочетаниями *чн, чт* было в определенных случаях присуще не только старомосковскому говору, но и, очевидно, являлось частью литературного узуса на более раннем этапе формирования (такое произношение фиксируют Ф. И. Буслаев, А. Х. Востоков, Н. И. Греч). В этом разделе исследования рассмотрены различные точки зрения (Р. И. Аванесова, Ф. Е. Корша, В. И. Чернышева) на проблему последовательной реализации [шн] на месте буквосочетания *чн* (напр.: *конé[шн]о, скú[шн]о*) в ограниченном наборе слов.

1.2.1.3. ПРОИЗНОШЕНИЕ СОГЛАСНОГО НА МЕСТЕ *щ*, А ТАКЖЕ СОЧЕТАНИЙ *жч, зч, сч, шч, здч, стч*

А. Х. Востоков предостерегал от написания *щ* вместо *сч, зч, жч* (т. е. рекомендовал писать *счастье*, а не *щастье*: *разчет*, а не *ращет*, *мужчина*, а не *мущина*), и это, безусловно, говорит о том, что ошибочные написания возникали под влиянием произношения (следовательно, на месте буквосочетаний *сч, зч, жч* (и *шч, здч, стч*, напр.: *весну́шчатый, звёздчатый, хлѣстче*) произносили [ш̄]). Несмотря на отсутствие единодушия среди ученых в этом вопросе (Р. Ф. Брандт, В. А. Богородицкий и В. И. Чернышев придерживались разных точек зрения), можно утверждать, в основном опираясь на мнение Д. Н. Ушакова, что, согласно старым московским нормам, на месте сочетаний *жч, зч, сч, шч, здч, стч* следовало произносить именно [ш̄], см. транскрипции Ф. И. Буслаева: *щет, щастье* (*счѣт, счáстье*); Р. Кошутича: *щ'итал̄^н* (*считáли*).

1.2.1.4. РЕАЛИЗАЦИЯ СОГЛАСНЫХ НА МЕСТЕ СОЧЕТАНИЙ *зж, жд, жж*

Ф. И. Буслаев утверждал, что на месте сочетаний *зж, жд, жж* произносился [ж̄], напр.: *дожжѣ, дрозжжи, вожжи, позже* и отмечал, что

«принято писать *жъ* и *ужъ* вместо *жь* и *ужь*»³; Р. Кошутич транскрибировал — *дош'* (*дождь*). Д. Н. Ушаков, опровергая В. И. Чернышева (допускавшего произношение как [ж̄'], так и [ж'д']), настаивает, что в подобных случаях следует произносить только [ж̄'].

1.2.1.5. РЕАЛИЗАЦИЯ /j/ ПЕРЕД [и] В НАЧАЛЕ СЛОВА И В ИНТЕРВОКАЛЬНОЙ ПОЗИЦИИ

В старомосковском говоре фонема /j/ в указанной позиции реализовалась не только нулем, как в современной норме, но часто и звуками [и̣], [j]. Большое влияние на появление [j] оказывала позиция начала слова, см. у Н. И. Греча: *йих*, *йим*, *йими*; В. А. Богородицкого: *jizviæsnǎ* (*извѣстно*); Р. Ф. Брандта: *й'извѣсна* (*извѣстно*); И. А. Бодуэна де Куртенэ: [жих] (*их*), [жим] (*им*), *стоб[иит]* (*сто́бит*) и мн. др. Однако в лекции Д. Н. Ушакова о московском произношении не было зафиксировано ни одного подобного примера, напротив, многочисленны произнесения: [и]м, [и]х, [и̣]ми. Очевидно, в этой позиции выпадение йота носило более частотный характер, чем отмечалось ранее.

1.2.1.6. ЧЕРЕДОВАНИЯ СОГЛАСНЫХ С НУЛЕМ ЗВУКА

Старомосковской системе были свойственны следующие чередования согласных с нулем звука: [стл'], напр.: *ко[с'л']явѣй*, *зави[с'л']ивѣй*, *хва[сл']и́в*; [здк], напр.: *боро́[ск]а* (*боро́зка*), *по́е[ск]а* (*по́ездка*), *громо́[ск]ий*; [стк], напр.: *извѣ[ск]а* (*извѣстка*), *мо[ск']и́* (*мостки*), *невѣ[ск]а*, *повѣ[ск]а*; [здн], напр. *бе́[зн]а*, *беззвѣ[зн]ый*, *безвозме́[зн]ый*, *по[зн]о*; [стн], напр.: *сви́[сн]ул*, *хле[сн]у́л*, *но́[сн]ый*, *че́[сн]ый*, *гру́[сн]ый*, *преле́[сн]ый*; [стн'], напр.: *изве[с'н']я́к*, *ле́[с'н']ица*. Наиболее полно эти чередования описаны В. И. Чернышевым и М. В. Пановым.

³ Ф. И. Буславев. Учебник русской грамматики. Изд. 8. М., 1896. С. 25.

1.2.1.7. ПРОИЗНОШЕНИЕ СОГЛАСНЫХ НА МЕСТЕ СОЧЕТАНИЙ ЗАДНЕЯЗЫЧНЫЙ+ВЗРЫВНОЙ (*гк, гт, гч, кт, кч, гд, кк, кг*)

В сочетаниях *гк, гт, гч, кт, кч* на месте первого согласного в конце XIX — начале XX века произносили [х] (в современном литературном языке такое произношение сохранилось только для сочетания *гк* и *гч*, в остальных случаях на месте первого согласного произносится [к]), напр.: В. А. Богородицкий записывал — *хто* (*кто*); А. Х. Востоков отмечал, что *легко, легче, ногти* произносится как *лехко, лехче, нохти*, а *к чему, кто* — *хчему, хто*; см. также у В. И. Чернышева: *хто* (*кто*), *хтебё* (*к тебё*), *хтава́рищу* (*к това́рищу*), *хчему́* (*к чему́*).

На месте буквосочетания *гд* произносилось [үд]. В. А. Богородицкий транскрибирует: *коүда* (*когда́*); Ф. Е. Корш: *то[үд]а́, Во́ло[үд]а, [үд']е, ко[үд]а́*; Р. Кошутич: *н^мк^аүда́* (*никогда́*), *к^аүда́* (*когда́*), *т^аүда́* (*тогда́*). Эта норма была лексикализованной и задавалась списком.

В начале XX века норма, согласно которой на месте сочетания *кк, кг* произносилось [хк], [үг], была не единственно возможной, как предполагалось ранее (см.: А. Х. Востоков транскрибирует — *хкому*; Ф. И. Буслаев — *хкому* (*к кому́*), и др.), а сосуществовала с новой нормой, которая требовала произношения [кк], [гг], напр. у Р. Кошутича есть транскрипции: [г_г]о́роду и [ү_г]о́роду, [г_г]о́ре и [ү_г]о́ре.

1.2.1.8. РЕАЛИЗАЦИЯ ФОНЕМ /ү/ И /ү'/

Положение фонем /ү/ и /ү'/ в старомосковском говоре было устойчиво. В ряде случаев лексикализованная орфоэпическая норма (задававшаяся приведенным ниже списком) допускала произношение исключительно: *о бо[ү']е, бо[ү]у, о бо[ү]е, [ү]оспо́дь, [ү]о́споди, [ү]оспо́день, бла́[ү]о, бла[ү]ода́ть, бла[ү]ода́рность, бла[ү]оскло́нный, бо[ү]а́тый, бо[ү]а́тство, [ү]осуда́рь, убо[ү']ий, бо[ү]а́тырь* (подобные транскрипции встречаются в

работах А. Х. Востокова, В. А. Богородицкого, Н. Н. Дурново и мн. др.). В речи младшего поколения было возможно вариантное произношение: бо[ʏ]áтый и бо[г]áтый.

1.2.1.9. ПРОИЗНОШЕНИЕ [p]/[p'] ПОСЛЕ /э/ ПЕРЕД ГУБНЫМИ И ЗАДНЕЯЗЫЧНЫМИ СОГЛАСНЫМИ

Мягкость [p'] после /э/ перед губными и заднеязычными согласными (напр.: *верьх*, *первьый* (запись Я. К. Грота); *вёрьх*, *цёрькыфь*, *четвёрьк*, *читверьга́* (запись В. И. Чернышева); *цёр'кв'ей* (*церквей*) *п^ав'ёр'х=з^емл'и́* (*поверх земли*) (транскрипции Р. Кошутича)) уже в начале XX века знала колебания, ср. у Ф. Е. Корша: *вэ[r']x* и *вэ[r]x*, *нэ[r']вый* и *нэ[r]вый*.

1.2.2. СИСТЕМА ВОКАЛИЗМА

1.2.2.1. РЕАЛИЗАЦИЯ ФОНЕМ /a/, /o/ ПОСЛЕ ТВЕРДОГО СОГЛАСНОГО (КРОМЕ ШИПЯЩИХ И [ц]) В ПЕРВОМ ПРЕДУДАРНОМ СЛОГЕ

Хотя *аканье* и было характерно для старомосковского говора так же, как и для современного литературного языка, качество гласного в первом предударном слоге было несколько иным⁴. С. С. Высотский именно в ином качестве первого предударного гласного после твердого согласного (кроме *ж*, *ш*, *ц*) видел одно из основных отличий литературного произношения от московского просторечия («московского народного говора»). Гласный первого предударного слога, по мнению исследователя, характеризовался «растяжкой и повышением мелодии»⁵, напр.: [cā]má, [pā]шлá и пр., т. е. вероятно, что предударный гласный по длительности превышал ударный, что подтверждено и в работах других исследователей (Р. Ф. Касаткиной, М. В. Китайгородской, Н. Н. Розановой).

⁴ В настоящей работе не оговаривается особо вариант транскрипции Л. В. Щербы, предполагающий наличие в первом предударном слоге после твердого согласного гласного [ʌ]. То, что подобная транскрипция была не вполне корректна при описании московского говора, убедительно показано, например, в работах Л. Л. Касаткина и М. В. Панова. При обсуждении качества гласного в первом предударном слоге после твердого согласного было признано целесообразным использовать транскрипционный знак [a], который употребляли в своих работах С. С. Высотский и М. В. Панов, или [a^b] (= [a^o]), предложенный Л. Л. Касаткиным.

⁵ С. С. Высотский. О московском народном говоре // Городское просторечие. М., 1984. С. 22—37. С. 34.

1.2.2.2. ПРОИЗНОШЕНИЕ ЗВУКОВ НА МЕСТЕ БУКВЫ *a* ПОСЛЕ [ж], [ц], [ш] В ПЕРВОМ ПРЕДУДАРНОМ СЛОГЕ

По Д. Н. Ушакову, в старомосковской системе после *ж* и *ш* в предударных слогах на месте *a* произносится [ы]: *жыра́* (*жара́*), *шыры́* (*шары́*). Но М. В. Панов, сопоставляя данные транскрипций начала века, приходит к выводу, что после [ж, ц, ш] фонема /a/ реализовалась в первом предударном слоге по-разному: у «экальцев» (по выражению М. В. Панова, носителей «экающей» нормы, см. ниже) — звуком [ы^{bl}] (у них *жыры́* и *жары́* звучало по-разному: *ж[ы]ры́* и *ж[э^{bl}]ры́*), у *икальцев* — звуком [ы³] (в таком случае формы *жыры́* и *жары́* совпадали). «Экающая» норма бесспорно была устойчива в этот период, см. транскрипции Р. Ф. Брандта: *шѐл'ít'* (*шали́ть*), *шѐс'т'í* (*шесты́*); см. также у В. И. Чернышева: *жеⁿра́* (*жара́*), *шеⁿлу́н* (*шалу́н*); и Р. Кошутича: *жѐн'их* (*жени́х*), *жѐла́т'* (*жела́ть*), *шѐсто́й* (*шестой*).

1.2.2.3. ПРОИЗНОШЕНИЕ ГЛАСНЫХ В БЕЗУДАРНЫХ СЛОГАХ ПОСЛЕ МЯГКОГО СОГЛАСНОГО

Наряду с *аканьем* (после твердых согласных) московская речь характеризовалась (после мягких согласных) *иканьем*. М. В. Панов называет одним из главных фонетических событий эпохи становление *икающей* нормы на рубеже XIX—XX века. Однако он разделяет старшее поколение носителей *эканья* — «экальцев» и младшее поколение носителей *иканья* — «икальцев». Проникновение *иканья* в «сильную» позицию первого предударного слога (в остальных слогах оно уже господствовало) — второе, наряду с расшатыванием позиционной мягкости согласных, свидетельство действия в русском языке закона М. В. Панова: система согласных усложняется, система гласных стремится к упрощению.

1.2.3. ПРОИЗНОШЕНИЕ ОТДЕЛЬНЫХ ГРАММАТИЧЕСКИХ ФОРМ

1.2.3.1. БЕЗУДАРНЫЕ ОКОНЧАНИЯ ИМЕН ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ В ФОРМЕ

им. п. ед. ч. м. р.

1.2.3.1.1. ТВЕРДОСТЬ/МЯГКОСТЬ ЗАДНЕЯЗЫЧНОГО СОГЛАСНОГО В КОНЦЕ ОСНОВЫ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ В ФОРМЕ им. п. ед. ч. м. р.

Д. Н. Ушаков подчеркивал, что окончание прилагательных *-гий, -кий, -хий*, напр. *долгий, широкий, тихий*, по-старомосковски произносятся так, как если бы было написано *-кой, -гой, -хой*. См. также у Р. Ф. Брандта: з'ѣмскѣј (*зѣмский*) в'ѣтхѣј (*вѣтхий*); Р. Кошутича: ма́л'н'кѣ́и (*ма́ленький*) ч'и́с'т'н'кѣ́и (*чи́стеный*). Вероятно, эта норма не знала исключений — все лингвисты в начале XX века транскрибировали окончание прилагательных именно как [э̣]. Только однажды у В. И. Чернышева встречается указание на возможное вариантное произношение — рифму А. С. Пушкина: *кли́ки — вели́кий*.

1.2.3.1.2. ОКОНЧАНИЕ *-ый* ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ И ПРИЧАСТИЙ В ФОРМАХ ИМЕНТЕЛЬНОГО И ВИНТЕЛЬНОГО ПАДЕЖЕЙ ед. ч. м. р.

Р. И. Аванесов указывал, что окончание *-ый* в им. п. ед. ч. м. р. прилагательных и причастий в соответствии со старыми московскими нормами произносилось «так, как если было бы написано *-ой*»⁶, и транскрибирует: *ста́р[ъ̣]*, *но́в[ъ̣]*. Ф. Е. Корш фиксирует: *почтѣ́нн[э̣]* (*почтѣ́нный*), *соверше́нн[э̣]* (*соверше́нный*).

1.2.3.2. ПРОИЗНОШЕНИЕ ГЛАГОЛОВ С ОСНОВОЙ НА ЗАДНЕЯЗЫЧНЫЙ СОГЛАСНЫЙ, ОКОНЧИВАЮЩИХСЯ НА *-ивать*

В. И. Чернышев отмечал, что в глаголах (и глагольных образованиях) «затро́гивать, отта́лкивать, отпи́хивать и т. д. *к, г, х* часто произносятся твердо, как будто бы написаны слоги *гы, кы, хы*»⁷. Подобную закономерность описал и Р. И. Аванесов.

⁶ Р. И. Аванесов Русское литературное произношение. Изд 6. М., 1984. С. 194.

⁷ В. И. Чернышев. Законы и правила русского произношения. Пг., 1915. С. 46.

1.2.3.3. ПРОИЗНОШЕНИЕ БЕЗУДАРНЫХ ОКОНЧАНИЙ ГЛАГОЛОВ II спр.

3 л. мн. ч.

Старомосковская орфоэпическая норма предписывала произношение в безударных окончаниях глаголов *-ат* и *-ят* звука [y]. Так же произносилось это окончание, если за ним следовал возвратный постфикс *-ся*. См. транскрипции Д. Н. Ушакова: *ды́шут*; В. А. Богородицкого: *ход́ут* (*хóдят*); Ф. Е. Корша: *слы́и*[ут]. И. А. Бодуэн де Куртенэ даже называл произношение этого окончания со звуком [э] (*ход[’эт]*) неправильным.

1.2.3.4. ПРОИЗНОШЕНИЕ ТВЕРДОГО ИЛИ МЯГКОГО СОГЛАСНОГО ЗВУКА В ВОЗВРАТНОМ ПОСТФИКСЕ *-ся, -сь*

Большинство исследователей убеждены, что возвратный постфикс *-сь, -ся* произносился с твердым [с] (это и позволило, например, М. И. Цветаевой рифмовать *вкус* и *боюсь*). Лингвисты в начале XX века транскрибируют: В. А. Богородицкий — *справ’илс^б* (*спра́вился*); Ф. Е. Корш — *забу́ду*[с], *возвратя́*[с]; А. И. Томсон — «берусь» (*беру́сь*); Р. Кошутич — *зг^бв^ар’ил’^мс* (*сговори́лись*) и пр. Однако во многих поэтических текстах рубежа XIX—XX вв. (и предшествующих десятилетий) встречаются рифмы, очевидно предполагающие «мягкое» произнесение возвратного постфикса (напр., у А. С. Пушкина находим рифму *обвила́сь* — *князь*). Подобные примеры часты и в транскрипциях, см. у В. А. Богородицкого: *з^бдым’илс^б* (*задыми́лась*), *брос’* (*брось*). Также многократно отмечается произнесение возвратного постфикса с твердым согласным в форме глаголов 2-го лица единственного числа настоящего времени: *се́рди*[ссэ], *ве́рти*[ссэ], когда согласный [с] ассимилировал предшествующий [ш]. В. И. Чернышев считал это произношение устаревающим, что подтверждает и отмеченное Д. Н. Ушаковым и Н. Н. Дурново в 1926 г. (в транскрипции рассказа А. П. Чехова «Дачники») колебание в произношении на этом участке системы.

ГЛАВА II. РЕФЛЕКСЫ СТАРОМОСКОВСКОГО ПРОИЗНОШЕНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ ЗВУЧАЩЕЙ РЕЧИ

Во второй главе содержатся описания орфоэпических экспериментов, целью которых было выявление частотности проявлений рефлексов старомосковского произношения в современной звучащей речи.

2.1. ПРОИЗНОШЕНИЕ БЕЗУДАРНЫХ ФЛЕКСИЙ ГЛАГОЛОВ II СПР. 3 Л. МН. Ч.

Из большинства современных орфоэпических рекомендаций очевидно, что произношение глаголов II спр. в форме 3 л. мн. ч. со звуком [y] в безударной флексии не является распространенным в современном литературном языке (не рекомендует такое произношение и «Орфоэпический словарь русского языка» (М., 1988)⁸). Однако Р. Ф. Касаткина обратила внимание на сохранение некоторых черт старомосковского произношения в современной речи москвичей разного возраста, в том числе и молодых. Это наблюдение касается и упомянутых глагольных окончаний. Для выяснения вопроса о распространенности этого явления был поставлен специальный орфоэпический эксперимент, цель которого состояла в определении регулярности появления старомосковских вариантов в речи современных москвичей и описании факторов, поддерживающих их сохранение в речи. В эксперименте приняли участие 35 дикторов, разделенных на 3 группы по возрастному критерию, чья звучащая речь в ходе эксперимента записывалась на магнитофон. Записи были подвергнуты аудиторскому анализу. В ходе эксперимента выяснилось, что гендерное различие информантов не играло роли в реализации рассматриваемой нормы.

В результате исследования были получены данные, свидетельствующие о том, что в речи испытуемых всех трех поколений старая московская норма произнесения глаголов II спр. 3 л. мн. ч. с безударным окончанием [-ут] проявляется с разной частотностью. В процентном соотношении в речи старшего поколения (10 испытуемых) старомосковская норма реализуется в

---

⁸ Орфоэпический словарь русского языка: Произношение. Ударение. Грамматические формы. Под ред. Р. И. Аванесова. Изд. 6. М., 1988.

70—80 % случаев употребления; в группе информантов среднего поколения (10 испытуемых) частотность появления старомосковского варианта немного превышает 50 %; в речи информантов младшего поколения (15 испытуемых) преобладает произнесение безударных глагольных флексий со звуком [э], однако частота появления старомосковского варианта составляет все же 15—20 %.

Полученные данные позволяют выделить условия, благоприятные для появления старомосковского произносительного варианта, одинаковые для всех возрастных групп: возвратная форма глагола (испытуемые скорее склонны были произносить [та́ш̄'уцэ] (*та́щатся*), чем [та́ш̄'ут] (*та́щат*)); позиция безударной флексии после мягкого согласного ([пəхə'рѐн'ут] (*похорѐнят*)); позиция после переднеязычного согласного ([прѐс'ут] (*прѐсят*)); после губно-зубного согласного ([га'тѐв'ут] (*готѐвят*)), после губно-губного согласного ([л'ѐб'ут] (*любят*)), после гласного звука [и] ([стѐиут] (*стѐят*)).

Было необходимо выяснить, почему полученные в ходе проведенного исследования данные расходятся с мнением лингвистов, считающих, что произношения [вѐз'ут] и пр. либо архаичны, либо просторечны. У этого факта может быть несколько объяснений. Либо процесс угасания рассматриваемой нормы идет более медленными темпами, чем считали ранее; либо, как однажды предположила Е. А. Брызгунова в устном выступлении, фонетические процессы носят волнообразный характер. Если принять последнюю точку зрения, то наличие в современной речи столь явных следов старомосковского произношения представляется волной подъема, на которой прежняя норма приобретает новую актуальность. И одновременно становится понятным, что исследователи, работавшие над этой проблемой раньше, не сталкивались с частотными проявлениями старомосковского произношения, так как в тот момент языковой процесс переживал период спада активности в реализации именно этой нормы. Но это утверждение не может считаться правомерным до того момента, пока не будет проведено подробное

исследование аудиозаписей и транскрипций речи середины XX века, пока в ходе отдельного эксперимента не будет выяснено, сохранились ли старомосковские варианты в речи современных детей дошкольного возраста, употребляющих их с высокой частотностью.

2.2. ПРОИЗНОШЕНИЕ СОГЛАСНЫХ НА МЕСТЕ БУКВОСОЧЕТАНИЯ *чн* В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ЯЗЫКЕ

Общеизвестна точка зрения, согласно которой в современной «младшей» норме происходит вытеснение старомосковского варианта произношения буквосочетания *чн* как [шн] ([шн']) произношением [ч'н] ([ч'н']),⁹ т. е. произносят *кирпи́[ч']ный* вместо *кирпи́[ш]ный* и проч. Однако исследования современной звучащей речи показали, что этот процесс протекает не так быстро и безусловно, как это казалось еще несколько десятилетий назад.

Мена орфографического сочетания *чн* в звукосочетание [шн] в эпоху старомосковской орфоэпической нормы происходила непоследовательно. Любопытно свидетельство Ф. Е. Корша: «само произношение *ч* перед *н* так сильно колеблется, что мудрено его втиснуть в правило»¹⁰. Очевидно, что уже на рубеже XIX—XX веков эта норма носила лексикализованный характер, т. е. большое значение имели факты орфоэпической прикреплённости.

Согласно наблюдениям лингвистов, в настоящее время в ряде слов многие москвичи разного возраста, владеющие нормами литературного произношения, последовательно произносят [шн]: *бу́ло[ш]ник*, *подсве[ш]ник*, *тря́по[ш]ный* и т. д. Для выяснения вопроса о распространённости этого явления было проведено анкетирование, цель которого состояла в определении регулярности появления старомосковских вариантов произношения в современной речи и описании факторов, поддерживающих их сохранение.

В анкеты были включены как старомосковские, так и современные произносительные варианты. Анкетированному предлагалось выбрать тот

⁹ Подробнее см. в статье С. П. Обнорского «Сочетание *чн* в русском языке» // Изв. комиссии по русск. яз. АН СССР. Л., 1931. Т. 1. С. 93—110.

¹⁰ Ф. Е. Корш. О русском правописании // Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук. Т. VII, кн. 1. СПб., 1902. С. 39—94. С. 65.

вариант, который свойственен его речи. В исследовании принимали участие испытуемые, разделенные по возрастному критерию на три орфоэпические группы. Всего в эксперименте приняли участие 35 информантов. В ходе исследования дополнительно учитывались зафиксированные в бытовой речи случаи употребления рассматриваемой нормы, а также анализировалась речь дикторов телевизионных программ канала «Культура».

Результаты исследования позволили установить определенные этапы отхода от старомосковского произношения:

1. В некоторых словах сохраняется только старомосковский произносительный вариант [шн]: *конé[ш]но, нарб[ш]но* и др.
2. В следующей группе слов сосуществуют реализации [шн] и [ч'н] при преобладании старшего варианта: *горчй[ш]ники* и *горчй[ч']ники, скú[ш]но* и *скú[ч']но* и др.
3. Равноправие вариантов [шн] и [ч'н]: *шúто[ш]ный* и *шúто[ч']ный, порядо[ш]ный* и *порядо[ч']ный* и др.
4. Сосуществуют [шн] и [ч'н] при преобладании младшего варианта: *гóрни[ч']ная* и *гóрни[ш]ная, тряпй[ч']ный* и *тряпй[ш]ный* и др.
5. Произношение исключительно [ч'н] согласно младшей норме: *ябло[ч']ный, молó[ч']ный* и др.

При общей тенденции к вытеснению старомосковского произносительного варианта новым можно было бы ожидать, что в речи каждого следующего поколения будет происходить отдаление каждого конкретного слова от старомосковского варианта, но в обязательном порядке этого не происходит. В речи современного молодого поколения в некоторых случаях наблюдалась консервация того соотношения вариантов [ч'н]/[шн], которое фиксировалось и на прошлом этапе развития языка (напр., в словах: *скú[ш]но, прáче[ш]ная, подсвé[ш]ник, яй[ш]ница, девй[ш]ник, скворé[ш]ник*).

Факторами, провоцирующими появление старомосковской нормы, традиционно признавались следующие: принадлежность слова к фразеологическому обороту: *сердешный друг, шапошное знакомство* (о чем свидетельствуют Ф. Е. Корш, Р. И. Аванесов, М. Л. Каленчук) — это положение не вызывает противоречий; наличие в соседнем слоге звука [ч'] (т. е. проявление дистантной диссимиляции): *очé[ш]ник, спíче[ш]ный* — однако во втором слове уже достаточно частотно появляется вариант с [ч'н]: *спíче[ч']ный*, ср. также расшатывание старомосковской нормы произношения слова *горчй[ч']ник*. Между тем, особенно заслуживающими внимания представляются случаи сохранения старой московской нормы в условиях, где, казалось бы, теоретически вероятнее предполагать появление нового варианта. Это прежде всего случаи корреляции с [ч'] в производящем слове, ср. слово *подсвé[шн']ик (свеча)* — в «старшей» и «средней» группах информанты произносили в 100 % случаев с [шн], в «младшей» группе — в 60 % случаев. Р. И. Аванесов утверждал, что «[шн] на месте *чн* не произносится в словах, которые в предыдущем слоге имеют согласный [ш]: *пу́ше[ч'н]ый, игру́ше[ч'н]ый*»¹¹ (что также связано с явлением дистантной диссимиляции). М. Л. Каленчук предположила, что произношение [шн] будет появляться частотнее в словах, которые уже имеют звук [ч'] в предыдущих слогах: *очé[шн']ик* и пр. Этому противоречит устойчивое появление [ш] в словах *ша́по[шн]ое* (знакомство) (90 % — 60 %)¹² и *шу́то[шн]ый* (75 % — 30 %); с другой стороны, зафиксированы и многие случаи произношения типа *горя́че[ч'н]ый, пра́че[ч'н]ая*.

В экспериментах принимали участие как филологи, так и не имеющие специальных лингвистических знаний информанты; было выяснено, что речь лингвистов в реализации рассматриваемой нормы более консервативна.

¹¹ Р. И. Аванесов Русское литературное произношение. Изд 6. М., 1984. С. 185.

¹² При указании на процентное соотношение приводятся верхняя и нижняя границы нормы: первая цифра — данные о речи старшего поколения, вторая — младшего.

2.3. ПРОИЗНОШЕНИЕ [p]/[p'] ПЕРЕД МЯГКИМИ СОГЛАСНЫМИ (ЗУБНЫМИ, ГУБНЫМИ, ПЕРЕДНЕЯЗЫЧНЫМИ, ЗАДНЕЯЗЫЧНЫМИ)

Р. И. Аванесов считал, что для современного литературного языка «мягкость звука [p] в сочетаниях с мягкими губными и зубными, которая была свойственна старому московскому произношению, не может уже считаться нормой»¹³. Для проверки этого утверждения был произведен анализ записей телевизионной речи разных жанров (информационные новостные программы, ток-шоу, интервью и др.), общим временем звучания 4 часа 20 минут. Из этого массива звучащей речи была сделана сплошная выборка всех случаев употребления фонемы /p/ перед мягкими согласными. Всего было зафиксировано 279 слов с анализируемым сочетанием. Из них в 17 % случаев (47 слов) был употреблен старомосковский произносительный вариант.

В речи литературно говорящих представителей «младшей» нормы встречаются мягкие произносительные варианты в следующих случаях:

1. Перед зубными: *наве[r']някá, пе[r']сидский;*
2. Перед передненёбными: *бо[r']щ, мо[r']щить;*
3. Перед губными: *че[r']вь, ве[r']фь;*
4. Перед заднеязычными: *а[r']хив, А[r']гентина.*

Произношение старомосковского варианта вероятнее в позициях:

1. После безударных гласных: *á[r]мия – а[r']мэйский;*
2. После гласных переднего ряда: *наве[r']някá;*
3. В именах собственных: *А[r']гентина;*
4. Во фразеологизмах: *книжный че[r']вь.*

Приведенные примеры были зафиксированы в речи молодых москвичей, владеющих литературным языком. Представляется важным наблюдение, сделанное Р. Ф. Касаткиной: в телевизионной речи в заимствованных неосвоенных словах появлялись мягкие произносительные варианты:

¹³ Р. И. Аванесов Русское литературное произношение. Изд 6. М., 1984. С. 160.

Га[р']ньё, ó[р']бит. Все это позволяют утверждать, что рассматриваемая норма не может считаться полностью архаичной.

2.4. ПРОИЗНОШЕНИЕ ТВЕРДОГО/МЯГКОГО СОГЛАСНОГО В ИСХОДЕ ОСНОВЫ В ФОРМЕ род. п. мн. ч. У СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ, ЗАКАНЧИВАЮЩИХСЯ В НАЧАЛЬНОЙ ФОРМЕ НА СОЧЕТАНИЕ «согласный + ня»

В современном литературном языке есть ряд существительных женского рода (около 300 лексем), оканчивающихся на сочетание «согласный + *ня*» в им. п. ед. ч., в словоизменительной парадигме которых представлено чередование /н/ и /н'/ на конце основы. Это слова типа: *басня, башня, вишня* и пр. Во всех формах слов этого класса, кроме род. п. мн. ч., на конце основы выступает /н'/; а в род. п. мн. ч. основа оканчивается на /н/ (*ба́/с'н'а/* — *ба́/с'эн/*; *со́/т'н'а/* — *со́/т'эн/* и пр.). Поскольку позиция конца слова для согласных фонем по твердости/мягкости является сигнификативно сильной, налицо морфонологическое чередование, подкрепленное парадигматическим соответствием между словами, связанными отношениями производности: *ба́с/н'/я* — *ба́се/н/ка, ба́се/н/*.

Но в некоторых подобных случаях чередование /н/ и /н'/ на конце основы отсутствует. Слова *барышня, боярышня, деревня, кухня* в род. п. мн. ч. имеют форму с /н'/, что отражено и в орфографии: *барышень, боярышень, деревень, кухонь*. Четыре приведенных выше примера традиционно считались исключениями из общей закономерности. Однако наблюдения последнего времени позволяют утверждать, что список исключений из правила в настоящий момент может быть изменен.

Вопрос о том, насколько последовательно реализуется чередование /н/ и /н'/ в подобных существительных, поднимался и ранее. В ходе многочисленных дискуссий об упорядочении русской орфографии (с конца XIX в. и до настоящего времени) высказывались различные (порой диаметрально противоположные) предложения по унификации этого правила. С одной стороны, предлагалось во всех существительных, оканчивающихся

сочетанием «согласный + -ня» в форме родительного падежа множественного числа писать *ь* (следовательно, произносить [н']), т. е. писать: *басень, вишень, и пр.* С другой стороны, в середине XX века высказывалось предложение упразднить написание *ь* в словах-исключениях, и писать *барышен, кухон* (очевидно, при этом предполагалось, что следует и произносить [н]). При внимательном рассмотрении удивляет неоднородность подобных предложений: в большинстве случаев авторы ратуют за изменение написания не всех слов этого класса, а лишь некоторых. Вероятно, это вызвано колебаниями в произношении таких слов, причем как в одну, «мягкую», так и в другую, «твердую» сторону. В. И. Чернышев указывал, что «твердость конечного *н* в родительном падеже имен на *-ня*: *песен, колоколен* и т. п., не принимается писателями безусловно не только для письма, но и для произношения»¹⁴. Очевидно, колебания в произношении слов этого класса, и, как следствие этого, в их орфографии, действительно существовали в русском литературном языке.

Решение же этого вопроса с диахронической точки зрения невозможно без полного представления о том, каковы в настоящее время реальные произносительные расхождения с орфографическими рекомендациями (в которых косвенно прослеживаются и орфоэпические) у литературно говорящих людей. Наблюдения над спонтанной речью москвичей разного возраста показывают, что колебания, существовавшие два века назад, существуют и сегодня. С целью выяснения характера этих колебаний был проведен орфоэпический эксперимент, результаты которого свидетельствуют, что перечень слов, имеющих в род. п. мн. ч. только твердое окончание [н], может быть сужен. Эксперимент проводился в два этапа. На первом этапе в нем приняли участие 35 информантов разного возраста, которым было предложено образовать интересующую нас форму род. п. мн. ч. от 20 слов, оканчивающихся на сочетание «согласный + *ня*». На втором этапе список слов

---

¹⁴ В. И. Чернышев. Правильность и чистота русской речи. Опыт русской стилистической грамматики // Избр. труды, т. I. М., 1970. С. 443—641. С. 473.

был расширен до 50, а в качестве испытуемых были привлечены еще 11 информантов. Выяснилось, что частотность появления мягкого произносительного варианта в таких существительных неодинакова, и варианты распределяются следующим образом:

1. Мягкий произносительный вариант встречается с вероятностью более 50 %: *ста́вня - ста́ве[н']*; *тамо́жня - тамо́же[н']*;
2. Твердый и мягкий произносительный варианты возможны в равной степени: *харче́вня - харче́ве[н']* и *харче́ве[н]*;
3. Появление [н'] в окончании вероятно менее чем в 50 % — более чем в 20% случаев: *жаро́вня — жаро́ве[н']*;
4. Мягкое произношение возможно менее чем в 20 % случаев: *ви́шня - ви́ше[н']*;
5. Мягкость конечного звука не отмечена: *ба́сня - ба́се[н]*; *пе́сня - пе́се[н]*.

Среди слов этой группы не было зафиксировано ни одного примера, в котором мягкое [н'] встречалось бы со 100 % вероятностью.

Такая нестабильность позволяет предполагать лексикализованность нормы, так как представляется сложным выявить какие-либо фонетические или грамматические факторы, обуславливающие это распределение. По-видимому, не оказывает влияния на проявление мягкости/твердости конечной фонемы возрастной критерий. Вопрос о причинах и характере возникновения мягкого произносительного варианта требует дальнейшего изучения.

2.5. ОСОБЕННОСТИ ПРОИЗНОШЕНИЯ ВОЗВРАТНОГО ПОСТФИКСА В РУССКОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ЯЗЫКЕ

Исследователи звучащей речи, обращавшиеся к проблеме звукового оформления возвратного постфикса *-ся/-сь* в русском литературном языке на рубеже XIX—XX столетий, утверждали, что нормативным является его произношение с твердым согласным (во всех формах, кроме деепричастий с ударением на последнем слоге). Также принято считать, что в течение XX века «твердый» вариант произношения в речи литературно говорящих москвичей сменился «мягким». Однако анализ различных источников заставляет сомневаться в бесспорности подобных утверждений. Например, В. И. Чернышев допускает возможность произношения возвратного постфикса с мягким согласным в поэтической речи, и, хотя считает более предпочтительным «твердый» вариант, не осуждает поэтов за такие «орфоэпические вольности». Есть основания полагать, что подобные примеры не были редкостью ни на рубеже XIX—XX веков, ни даже ранее.

Принимая во внимание, что многие примеры, которыми ученые в начале XX в. иллюстрируют свои наблюдения, относятся к первой половине XIX столетия¹⁵, представляется целесообразным более детально проанализировать те произносительные нормы, которые существовали в литературном языке в первой половине XIX века, так как именно в это время формировалась база для старомосковской орфоэпической системы. Для анализа речи поэтов первой половины XIX века были взяты стихотворные тексты А. Н. Апухтина, Е. А. Баратынского, А. С. Грибоедова, Д. В. Давыдова, И. А. Крылова, М. Ю. Лермонтова, А. С. Пушкина, В. А. Жуковского. Полученные данные позволили сделать вывод, что произношение возвратного постфикса в первой трети XIX века было вариативным, хотя предпочтение отдавалось «твердой» реализации у глаголов и «мягкой» — у деепричастий с ударением на последнем слоге¹⁶.

---

¹⁵ Значит ли это, что в ряде случаев описана не вполне современная исследователям норма?

¹⁶ Впрочем, следует учитывать, что у А. С. Пушкина количество примеров с твердым произнесением возвратного постфикса у деепричастий с ударением на последнем слоге превышает количество

На следующем этапе исследования представлялось важным проследить, как реализовывалась эта норма в поэтических произведениях авторов (как москвичей, так и петербуржцев) в первой трети XX века. Эпоха уже не предъявляла таких строгих требований к точности рифмовки, однако в некоторых случаях качество согласного можно восстановить с уверенностью. С учетом того, что для этого периода уже актуально наличие двух «орфоэпических центров», были отдельно проанализированы тексты поэтов-«москвичей» и поэтов-«петербуржцев». В первую группу вошли: В. Я. Брюсов, З. И. Гиппиус, Б. Л. Пастернак, М. И. Цветаева. Для анализа петербургской орфоэпической нормы были выбраны тексты И. Ф. Анненского, А. А. Ахматовой, А. А. Блока, О. Э. Мандельштама.

Сравнительный анализ полученных данных показал, что произношение возвратного постфикса в первой трети XX века в двух рассматриваемых позициях было, как и веком раньше, вариативным. Основываясь на анализе текстов поэтов-«москвичей», можно сказать, что в начале XX столетия все еще отдавалось предпочтение «твердой» реализации у глаголов и «мягкой» — у деепричастий с ударением на конце. В Петербурге произношение *-сь/-ся* было, как и в Москве, вариативным, возможно, с небольшим преимуществом «мягкого» варианта у глаголов. У деепричастий с ударением на последнем слоге в этот период и в Москве, и в Петербурге, вероятно, нормативным был «мягкий» вариант, о чем свидетельствуют найденные примеры. Только в текстах поэтов-«москвичей» Б. Л. Пастернака и М. И. Цветаевой у деепричастий преобладает «твердое» произношение. Возможно, это следствие гиперкоррекции.

Убедительным доказательством гипотезы о вариативности произношения возвратного постфикса в первой четверти XX столетия служит лекция Д. Н. Ушакова 1941 года о старомосковском произношении. Рассказывая о московском говоре, Д. Н. Ушаков несколько раз употребляет в

мягких. Однако общая статистика все же не дает оснований полагать, что твердый вариант был предпочтительнее в этой позиции.

речи возвратные глаголы. «Твердый» вариант произношения в его речи появляется тогда, когда исследователь иллюстрирует нормативное произношение возвратного постфикса, а также во время чтения рассказа, тщательно транскрибированного ранее, то есть в тех случаях, когда его внимание прежде уже было сосредоточено на спорных моментах. «Мягкий» вариант встречается в непринужденной речи. И этого факта уже достаточно, чтобы с большой долей уверенности утверждать – «мягкая» реализация возвратного постфикса у глаголов была возможна и достаточно частотна в старомосковском говоре, несмотря на то, что официально предпочтение отдавалось «твердому» варианту. Взаимозаменяемость «твердого» и «мягкого» вариантов у глаголов отразилась и на судьбе деепричастий с ударением на последнем слоге, где также было возможно произношение частицы и с твердым, и с мягким согласным, хотя нормативным считалось «мягкое» произношение.

В середине XX столетия исследователи отмечали, что произношение возвратного постфикса с твердым согласным перестало быть нормативным. С целью выявления частотности распределения орфоэпических вариантов был проведен аудиторский анализ массива записей телевизионной речи. В исследование были также включены зафиксированные факты спонтанной речи москвичей. В ходе эксперимента был проанализирован 191 пример. Результаты таковы:

- глаголы на *-ись* (94 примера) зафиксированы только с мягким [с’]: *стабилизи́ровали*[с’], *оказа́ли*[с’] и пр.

- глаголы на *-ась, -ось, -усь* (62 примера) также только с мягким [с’]: *оста́ну*[с’], *нача́ло*[с’], *одева́ла*[с’] и пр.

- глаголы на *-лся*: 27 примеров произнесения с мягким [с’э]: *находи́л*[с’э], *занима́л*[с’э] и пр. и 8 примеров с твердым [с]: *призна́л*[сэ], *жени́л*[сэ] и пр.

Очевидно, что реализация возвратного постфикса с мягким согласным в современном литературном языке практически вытеснила старомосковский

вариант, за исключением только позиции после [л], где твердость все еще поддерживается прогрессивной ассимиляцией. Однако и в этой форме возвратный постфикс все чаще произносится мягко.

2.6. ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ ИНИЦИАЛЬНОЙ ФОНЕМЫ /j/ ПЕРЕД [и] В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

На рубеже XIX — XX вв. в русском литературном языке в формах местоимений *их, им, ими* нормативным считалось произношение с [j] ([й]) в инициальной позиции. Известно, что фонетическая судьба местоимений *их, им, ими* складывалась полностью в соответствии с процессом расшатывания прочности инициальной позиции йота перед гласными в целом. Исследования показали, что постепенная утрата йота в этих формах, очевидно, берет начало в существенно более раннем времени, чем это отмечалось исследователями, однако в сознании говорящих йот, вероятно, долгое время инерционно осознавался как необходимый, т. к. очевидна была этимологическая связь с другими формами местоимений, в которых позиция [j] ([й]) по-прежнему прочна. Однако в позиции перед [и] в формах местоимений процесс выпадения йота протекал быстрее, чем в других словах и в позициях перед другими гласными. Видимо, подобные процессы идут с большей скоростью в частотных словах, а именно местоимения наиболее частотны в спонтанной речи.

Наблюдения над речью современных молодых москвичей подтверждают все вышесказанное. Группе информантов (12 испытуемых) было предложено прочесть отрывки из художественных текстов, насыщенные местоимениями в интересующей нас форме. Анализ материала показал, что только в речи двух информантов непоследовательно в сильной фразовой позиции, т. е. только в том случае, если местоимение было выделено акцентом, встречались эти формы с предшествующим йотом, напр.: [j]йх слова, [j]йми созданные; однако в подобных же случаях йот мог и отсутствовать (это было выяснено при повторном чтении текста тем же информантом): [и]х слова, [и]ми созданные.

Таким образом, следует отметить, что начальная фонема /j/, в конце XIX — начале XX вв. нормативно реализовывавшаяся как [j] ([и]) в формах местоимений *их*, *им*, *ими*, в настоящее время реализуется нулем звука. Произношение [j]им, [j]их, [j]ими для современного литературного языка следует признать устарелым.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Результатом предпринятого исследования стала разработка комплексного описания старомосковской орфоэпической системы и выявление ее рефлексов в современной звучащей речи. В ходе изучения лингвистической литературы был определен круг источников, данные которых использовались для построения целостного описания старомосковского произношения. Были выявлены как социолингвистические особенности функционирования старых московских норм (отсутствие четких временных координат, затрудненность определения сословной принадлежности контингента носителей, отсутствие своевременной кодификации и пр.), так и чисто языковые (фонемный состав, соотношение с театральной орфоэпией и просторечием).

В диссертации были описаны особенности старомосковского наречия в вокалической и консонантной подсистемах, а также в произношении отдельных грамматических форм. При этом характеристики некоторых черт старомосковского произношения были уточнены, а другие факты были описаны впервые. Наиболее серьезному уточнению подверглось описание позиционной мягкости согласных перед следующими мягкими, ранее считавшейся обязательной в старомосковском говоре. Было выяснено, что вариативность произнесения твердого или мягкого согласного звука на месте первого согласного даже в сочетаниях зубных согласных с мягкими зубными была уже столь значительной, что оказалась зафиксированной в транскрипциях всех исследователей, обращавшихся к проблемам орфоэпии на рубеже XIX—XX вв. В прочих же сочетаниях (напр., зубных с мягкими губными, губных с мягкими зубными, губных с мягкими губными, губных с

мягкими заднеязычными, заднеязычных с мягкими заднеязычными, в сочетаниях согласных с /j/) возможность произнесения с твердым согласным была еще более вероятна. Вышесказанное позволило сделать вывод о более раннем времени начала процесса расшатывания позиционной мягкости согласных, чем это впоследствии отмечалось фонетистами. Особо следует оговорить, что в лингвистической литературе ранее специально не обсуждался вопрос о произношении губных согласных перед губными на рубеже XIX—XX вв., как и вопрос о произношении сочетаний заднеязычных согласных с мягкими губными, зубных и заднеязычных с мягкими заднеязычными, а также сочетаний [p] или [p'] с мягкими заднеязычными. В настоящем исследовании эти проблемы затронуты впервые. Также впервые были описаны сочетания согласных с последующим мягким, в которых вариант произнесения с твердым согласным был или предпочтительным (сочетания заднеязычных с мягкими зубными и со звуком [p'], [p] или [p'] с мягкими заднеязычными, губных и зубных со звуком [p']), или единственно возможным (сочетания заднеязычных с мягкими губными, зубных с мягкими заднеязычными, заднеязычных со звуком [p']).

При анализе других фонетических особенностей старого московского говора полученные данные в некоторых случаях не расходятся с данными предыдущих исследований. В системе консонантизма это следующие случаи: произношение [ш'] на месте буквы *ш*, а также буквосочетаний *зч*, *сч*, *жч*, *шч*, *здч*, *стч*; устойчивое положение фонемы /ж'/; чередования согласных с нулем звука в сочетаниях *стл*, *стк*, *здн*, *стн*; произношение первого щелевого согласного на месте буквосочетаний *гк*, *гт*, *гч*, *кт*, *кч*, *гд*, *кк*, *кг*; устойчивое положение фонем /у/ и /у'/ в словах с религиозной семантикой; произношение [p]/[p'] после /э/ перед губными и заднеязычными согласными. В системе вокализма: реализация фонем /а/, /о/ после твердого согласного (кроме шипящих и [ц]) в первом предударном слоге гласным звуком, по длительности превышающим ударный; произношение на месте буквы *а* в первом

предударном слоге после [ш], [ж] звуков [ы⁹] или даже [ы]; вытеснение *икающим* вариантом произношения *экающего* в безударных слогах после мягкого согласного. В произношении отдельных грамматических форм: произношение гласного звука [э] в безударных окончаниях имен прилагательных и причастий в им. п. и в вин. п. ед. ч. м. р. на месте букв *и, ы*; произношение безударных окончаний глаголов II спр. 3 л. мн. ч. со звуком [у]; произношение в глаголах с основой на заднеязычный согласный, оканчивающихся на *-ивать*, в конце основы твердого согласного звука.

В некоторых случаях данные настоящего исследования частично расходятся с мнением лингвистов, которые ранее описывали эти произносительные явления. Показано, что реализация *чн* в звучащей речи звуко сочетанием [шн] происходила вне прямой зависимости от тех факторов, которые ранее признавались провоцирующими проявление этой закономерности; можно предположить, что дистантная диссимиляция и корреляция с [ч⁹] в производящем слове оказывают лишь косвенное влияние на выбор произносительного варианта. Было установлено, что реализация /j/ перед инициальным [и] нулем звука носила более регулярный характер, чем отмечалось в работах других исследователей. Было отмечено, что возвратный постфикс *-сь, -ся* произносился не только с твердым согласным [с], но и с мягким [с⁹], хотя первый вариант и признавался предпочтительным.

Вторым этапом исследования явилось определение круга явлений, которые возможно расценивать как рефлексy старомосковского произношения в современной звучащей речи. Результаты исследований убедительно показали, что некоторые из старомосковских черт, признававшиеся ранее архаическими (произношение безударных флексий глаголов II спр. 3 л. мн. ч. со звуком [у]; произношение [шн] на месте буквосочетания *чн* в определенном круге слов; произношение звука [р⁹] перед мягкими согласными (зубными, переднеязычными, губными, заднеязычными)), следует признать нормативно допустимыми в современном языке наряду с новыми произносительными

вариантами. Кроме того, были описаны условия, поддерживающие сохранение старомосковских произносительных вариантов в литературной речи москвичей.

Анализ лингвистических источников дал возможность установить, что в русском литературном языке еще с начала XIX столетия существовали варианты в произношении форм род. п. мн. ч. существительных, кончающихся сочетанием «согласный + *ня*». Наблюдения над речью москвичей разного возраста показывают, что колебания существуют и сегодня. Нестабильность реализации конечной фонемы твердым или мягким согласным позволяет предполагать лексикализованность нормы.

Некоторые из проведенных этапов исследования носили не только синхронический, но и диахронический характер (то есть касались не только описания поведения рассматриваемых явлений в современном языке, но и содержали попытку реконструкции состояния некоторых фрагментов орфоэпической системы на рубеже XIX—XX вв.). Результаты показали, что реализация возвратного постфикса с мягким согласным у глаголов была не только возможна, но и достаточно частотна в старомосковском говоре, несмотря на то что официально предпочтение отдавалось варианту произношения с твердым согласным. В современном литературном языке старомосковский вариант практически вытеснен, за исключением позиции после [л]. Завершающее диссертационную работу исследование продемонстрировало, что произношение местоимений *им*, *ими*, *их* с предшествующим йотом ([j]им, [j]их, [j]ими), свойственное старомосковской норме, для современного литературного языка следует признать устарелым.

Цели, поставленные в начале работы, в основном достигнуты, а задачи решены. Полученные результаты позволяют не только по-новому взглянуть на многие проблемы истории становления русского литературного произношения, но и требуют пересмотра ряда нормативных орфоэпических рекомендаций для современного состояния языка.

Основные положения диссертационной работы отражены в следующих публикациях:

1. Рефлексы старомосковского произношения в современной речи // Проблемы фонетики IV. Под ред. Р. Ф. Касаткиной. М., 2002.

2. Рефлексы старомосковского произношения в современной звучащей речи // Тезисы IV международной научной конференции «Фонетика сегодня: актуальные проблемы и университетское образование». М., 2003.

3. Об одной орфоэпической особенности современного русского литературного языка (*песен* или *песень?*) // Тезисы научной конференции «Культура русской звучащей речи: традиции и современность». М., 2004.

4. О понятии *старомосковское произношение*, его особенностях и рефлексах в современной звучащей речи // XII международная конференция по функциональной лингвистике «Функционализм как основа лингвистических исследований». Сборник научных докладов. Ялта, 3—7 октября 2005. Симферополь, 2005.

5. Об особенностях произношения возвратного постфикса // Тезисы международной конференции «Проблемы языковой нормы» — VII Шмелевские чтения. М., 2006.

6. Особенности произношения возвратного постфикса // Русский язык сегодня 4 — Проблемы языковой нормы. Отв. ред. Л. П. Крысин. М., 2006.

7. Произношение согласных на месте буквосочетания *чн* в современном русском литературном языке // Проблемы фонетики V. Под ред. Р. Ф. Касаткиной. М., 2007.

8. Об одной орфоэпической особенности современного русского литературного языка // Жизнь языка II. Отв. ред. Е. А. Земская, М. Л. Каленчук. М., 2007.

9. Произношение возвратного постфикса в русском литературном языке // XIII Международная конференция по функциональной лингвистике: «Язык и мир». Сборник научных докладов «Культура народов Причерноморья» / Симферополь, 2006.

10. О рефлексах старомосковского произношения в современной звучащей речи // Русский язык в научном освещении. 2007. № 1 (13).

11. Особенности реализации инициальной фонемы /j/ в русском языке // Тезисы научной конференции «Фонетика сегодня V». М., 2007.